

Натали Фон
Рерих

Тень в пробирке

Натали Фон Рерих
Тень в пробирке

«Автор»

2026

Фон Рерих Н.

Тень в пробирке / Н. Фон Рерих — «Автор», 2026

Эпидемиолог Элеонора Вейл приезжает в глухую английскую деревню по письму профессора Хартли. Трое его бывших коллег умерли за месяц от странных симптомов. Выясняется: много лет назад они создавали бактериологическое оружие и сохранили смертельный вирус «Химера-7». Кто-то методично убивает всех причастных. Элеоноре предстоит найти убийцу — но вирус уже вырвался на свободу. Короткий детектив о науке, ответственности и вирусе, который не должен был существовать.

© Фон Рерих Н., 2026

© Автор, 2026

Натали Фон Рерих

Тень в пробирке

Тень в пробирке

Роман

Часть первая. Дом на холме

Глава 1

Доктор Элеонора Вейл прибыла в Сент-Мэри-Мид в четверть пятого пополудни, и первое, что она заметила, было полное отсутствие признаков жизни.

Это её насторожило.

Деревня — если это скопление серых каменных домиков с покосившимися заборами вообще можно было назвать деревней — лежала в низине, окружённая со всех сторон старыми буками. Дорога, ведущая к ней, петляла между холмами так причудливо, что Элеонора дважды сверялась с картой, которую ей прислали вместе с письмом. Ни на одном из этих холмов не паслись овцы, хотя апрельский день был на удивление ясным, и трава уже пробивалась сквозь прошлогоднюю листву. Ни в одном из садов не копошился садовник. Ни один дымок не поднимался из труб.

— Странно, — пробормотала она себе под нос, притормаживая у покосившегося указателя с надписью «Сент-Мэри-Мид, 1 миля».

Элеонора была женщиной тридцати восьми лет, с тёмными волосами, которые она носила коротко, и с лицом, которое обычно описывают как «интеллигентное» — что, как она подозревала, было вежливым способом сказать «некрасивое». Она носила очки в тонкой золотой оправе и одевалась практично: твидовое пальто, крепкие ботинки, шерстяной шарф. В кармане пальто лежало письмо, которое она перечитывала уже, наверное, в десятый раз.

«Уважаемая доктор Вейл,

Мне стало известно, что вы являетесь ведущим специалистом в области эпидемиологии и, что важнее, человеком, которому можно доверять. Я пишу вам не как представитель какого-либо учреждения, а как частное лицо, оказавшееся в крайне затруднительном положении.

В Сент-Мэри-Мид, где я проживаю, произошла трагедия. Трое моих коллег — людей, с которыми я работал бок о бок много лет, — скончались в течение последнего месяца. Симптомы были схожи: высокая температура, внутреннее кровотечение, отказ органов. Местный врач, старый мой друг, склонен объяснять это естественными причинами. Но я знаю то, чего не знает он.

Я не могу написать об этом в письме. Слишком многое поставлено на карту. Приезжайте, прошу вас. Я оплачу все расходы. И, ради всего святого, не сообщайте никому о цели вашего визита.

С уважением,

Профессор Эдвард Хартли»

Элеонора перечитала письмо ещё раз, когда машина уже катилась по узкой деревенской улочке. Бумага была дорогая, чернила — синие, почерк — старомодный, с наклоном вправо. Профессор Хартли. Она слышала это имя. Когда-то, лет двадцать назад, он был восходящей звездой вирусологии — пока не случился какой-то скандал, подробностей которого она не помнила. Что-то связанное с исследованием, которое было закрыто. С тех пор его имя почти не упоминалось в научных кругах.

Дом, в котором он жил, стоял на холме в конце деревни — большой викторианский особняк из тёмного камня, с высокими окнами и заросшим плющом фасадом. Элеонора припарковала машину у кованых ворот и вышла. Воздух был холодным и влажным, как это часто

бывает в английской деревне ранней весной. Пахло землёй, прелыми листьями и чем-то ещё — слабым, неприятным запахом, который она не смогла сразу идентифицировать.

Ворота открылись с пронзительным скрипом. Она пошла по дорожке, вымощенной потрескавшимися каменными плитами, мимо розовых кустов, которые давно не подрезали. На крыльце её встретил мужчина лет семидесяти, высокий и худой, с седыми волосами и лицом, испещрённым глубокими морщинами. На нём был старый твидовый пиджак с заплатками на локтях и домашние тапочки.

— Доктор Вейл, — сказал он, и в его голосе слышалось облегчение. — Слава богу, вы приехали.

— Профессор Хартли?

— Да, да. — Он пожал ей руку сухой, холодной ладонью. — Проходите, прошу вас. Не будем стоять на пороге.

Внутри дом был таким же старомодным, как и его хозяин: тёмные деревянные панели, тяжёлые шторы, запах старой мебели и табака. Хартли провёл её в гостиную, где в камине горел огонь, и указал на кресло.

— Чай? — спросил он. — Вы, должно быть, устали с дороги.

— Спасибо, с удовольствием.

Пока он возился с чайником, Элеонора осмотрелась. На стенах висели фотографии в рамках: молодой Хартли в лабораторном халате, Хартли с группой других учёных на каком-то конгрессе, Хартли с женщиной, которая, судя по схожести черт, была его женой. На полках стояли книги по вирусологии — некоторые на английском, некоторые на русском, некоторые на немецком. В углу комнаты примостился старый микроскоп, покрытый пылью.

— Простите за беспорядок, — сказал Хартли, ставя перед ней чашку. — Я живу один с тех пор, как умерла Маргарет. Три года назад. С тех пор... всё как-то разладилось.

Он сел напротив неё в кресло и несколько минут молчал, глядя на огонь. Элеонора не торопила его. Она знала по опыту, что люди, которые долго решаются на разговор, часто нуждаются в тишине перед тем, как начать.

— Вы знаете, кто я? — спросил наконец Хартли.

— Слышала имя. Что-то связанное с вирусологией.

— Да. — Он горько усмехнулся. — Когда-то я был одним из ведущих специалистов в области исследования новых вирусных агентов. Работал в закрытом институте в Шотландии. Мы занимались... разработками. — Он сделал паузу. — Бактериологическим оружием, если называть вещи своими именами.

Элеонора кивнула. Она ожидала чего-то подобного.

— Это было в восьмидесятых. Холодная война, гонка вооружений, всё это безумие. Мы создавали вирусы, которые могли бы... ну, вы понимаете. Но потом, в девяносто первом, проект закрыли. Институт расформировали. Большинство материалов уничтожили. Большинство.

— Но не все.

— Не все. — Хартли подался вперёд, и его глаза заблестели лихорадочным блеском. — Мы с коллегами — нас было четверо — решили сохранить некоторые образцы. Не из злого умысла, поймите меня правильно. Мы надеялись, что когда-нибудь эти исследования можно будет использовать во благо. Для разработки вакцин, для понимания механизмов вирусной эволюции. Мы спрятали их в надёжном месте и договорились, что будем молчать.

— И что случилось?

— Месяц назад умер первый из нас. Джеймс Портер. Сердечный приступ, сказали врачи. Потом — Майкл Чен. Инсульт. Потом — Сара Уолш. Воспаление лёгких. Все трое — в течение трёх недель. Все трое — здоровые люди, которым не было и шестидесяти.

— Вы думаете, их убили?

Хартли долго молчал, глядя в огонь. Потом сказал тихо:

— Я думаю, что кто-то нашёл наши образцы. И использует их.

Глава 2

Элеонора провела в доме Хартли весь вечер, задавая вопросы и делая пометки в блокноте. К концу разговора у неё сложилась более или менее ясная картина.

Четверо учёных — Хартли, Портер, Чен и Уолш — работали вместе в закрытом институте «Аргайл» в Шотландии с 1983 по 1991 год. Их специализацией были так называемые «химерные вирусы» — искусственно созданные агенты, комбинирующие фрагменты ДНК разных патогенов для достижения максимальной летальности и устойчивости к существующим методам лечения. После закрытия института они договорились сохранить несколько образцов — на случай, если эти исследования когда-нибудь понадобятся для мирных целей.

— Где именно вы их спрятали? — спросила Элеонора.

— В старом бункере на территории института. Он был построен ещё во время Второй мировой войны, для хранения документов. Мы оборудовали его холодильными установками. Всё было герметично, надёжно. Мы проверяли состояние образцов раз в год — по очереди.

— Кто проверял в последний раз?

— Сара. В январе. Она сказала, что всё в порядке.

— А после её смерти кто-нибудь ездил в институт?

— Нет. — Хартли покачал головой. — Я хотел, но... побоялся. Если кто-то там был, если он оставил следы... Я не хотел привлекать внимание.

Элеонора задумалась. Симптомы, описанные Хартли, действительно напоминали картину геморрагической лихорадки — но с некоторыми странностями. Слишком быстрое развитие, слишком специфическое поражение органов. Если это был один из тех «химерных вирусов», о которых говорил профессор, то всё сходилось.

— Профессор, — сказала она, — мне нужно увидеть этот бункер. И мне нужны все документы, которые у вас сохранились. Записи, протоколы, всё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.